

НИЩЕНСТВО И БОРЬБА С НИМ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX В.

Нищенство как социальное явление в обществе появилось в эпоху средневековья. С принятием христианства появилось представление о нищих, которое прочно укоренилось в общественном сознании и являлось особенностью психологии русского человека. Подачей милостыни выражалось чувство милосердия и сострадания. Подать нищему – значило проложить себе путь к прощению Богом. Сложилась поговорка: “В рай входят святой милостыней” [1]. Нищих растил и воспитывал русский обычай, с виду благородный, но в сущности безжалостный и вредный: подавать всякому кто ни попросит. Он породил массу профессиональных нищих, которые свой промысел передавали от поколения к поколению.

Кроме этого, социально-экономическая политика государства на протяжении веков, а также стихийные бедствия, разорительные войны способствовали появлению нищих людей. По своей психологии нищие представляли социальную опасность. Из этой среды выходили самые мятежные элементы общества.

Для России конец XIX века был новым этапом социально-экономического развития. Интенсивный рост промышленного производства на основе внедрения новой техники имел негативные последствия: безработицу, понижение заработной платы, недоступность приобретения предметов первой необходимости и т. п., то есть шел процесс пауперизации рабочего класса, что создавало угрозу политической стабильности общества. Аналогичный процесс развивался в деревне. Сильное расслоение крестьянства, семейные разделы имели следствием появление безземельных и малоземельных хозяйств, находившихся

на грани разорения. Обедневшие крестьяне становились сельскими наемными рабочими, поденщиками и чернорабочими в городах или пополняли ряды нищих. В любом случае это был пролетарский элемент.

Нищета создавала почву для криминала. Влияние крайней бедности на преступность уясняется из статистических сведений, приведенных в работе Е.Д. Максимова “Статистические и финансовые вопросы общественного призрения”, относящихся к 1888 году. Из 39000 лиц, осужденных по приговорам окружных судов и судебных палат, были поденщиками и чернорабочими, сельскими рабочими, бродягами и нищими – 8 070 человек, составлявшие 20,7% всего числа осужденных. Из 54045 осужденных мировыми судьями и их съездами лица указанных разрядов составляли 13980 человек, или 25,8% всего числа осужденных [2]. Эти сведения достаточно ясно показывают, как была широко развита преступность среди необеспеченных людей, которым в безысходной нужде не оставалось другого выхода, кроме нищенства или преступления. Такой контингент людей отличался низким нравственным уровнем. Среди них было немало пьяниц, хулиганов, тунеядцев.

А. А. Левенстим в очерке “Профессиональное нищенство, его причины и формы” приводит факты, основанные на жизненных наблюдениях. Московские нищие зарабатывали в сутки не менее 3 рублей, в год не менее 300 рублей, а некоторые ловкие до 1000 рублей [3]. Средний заработок рабочих московских фабрик составлял 1 рубль 25 копеек в день. На текстильных предприятиях России в начале XX в. мужчины зарабатывали от 70 копеек до 1 рубля в день. Старшие обучали новичков, как надо просить подавание, чтобы

вызвать жалость, изображать мнимых слепых и калек. Нищие помогали друг другу в сообщении нужных сведений, адресов благотворителей.

Ряд сел и деревень во Владимирской, Вологодской, Костромской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Пермской, Самарской, Саратовской губерний представляли “гнезда” профессиональных нищих, где местное население почти поголовно занималось прошением милостыни, выезжая в другие местности на заработок [4]. Большинство “нищих сел” отличались большой зажиточностью.

В Ярославской губернии профессиональное нищенство наблюдалось в незначительном масштабе. Город Ярославль являлся местом сосредоточения профессиональных нищих [5].

Невозможно с точностью установить число лиц, получавших путем сбора подаяния средства к существованию, так как учет нищих не велся, а при переписи населения далеко не каждый нищий желал показать нищенство как свое занятие, тем более, что законодательство предусматривало уголовное наказание за прошение милостыни. Всероссийская перепись населения 1897 года определила общее число лиц, получавших средства от нищенства, – 373201 человек, для 38164 человек нищенство являлось побочным промыслом. При подсчете учитывались лица, занимавшиеся нищенством самостоятельно, и члены их семей. Вероятно, неполное число нищих определялось для Империи в 401365 человек, что составляло около 32 человек на каждые 10000 [6]. В указанном числе большей частью фигурируют профессиональные нищие. На первый взгляд, такое соотношение показателей не дает основания сделать вывод о существенности проблемы. Но необходимо принимать во внимание явное нищенство, которое показывала жизнь. Один из исследователей русского

нищенства Д. А. Линева лаконично и точно охарактеризовал ситуацию развития нищенства в России, обращаясь к слушателям на заседании Императорского Вольно-экономического общества в 1891 году: “Мы – живые свидетели. Нищих масса всюду: в городах, в деревнях, на проселочных дорогах” [7]. Кроме этого, учитывая теневое нищенство, а также общественную опасность нищих, можно говорить о проблеме, требующей решения на правительственном уровне. Следовало искать действенные меры для борьбы с этим явлением.

Установленное законодательством наказание не достигало своей цели. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, действовавший с 1864 года (ст. 49, 50), определял тюремное заключение от двух недель до трех месяцев за прошение милостыни по лени и привычке к праздности, с дерзостью и грубостью, с употреблением обмана [8]. За допущение к прошению милостыни детей ст. 51 предусматривала наказание в виде ареста не больше 15 дней или денежного взыскания не выше 50 рублей родителям или опекунам. В случае обращения этого занятия в ремесло виновные подвергались тюремному заключению от одного до трех месяцев [9]. Закон не давал четкого понятия профессионального нищенства. Краткосрочное тюремное заключение не устрашало нищих и не побуждало их отказаться от усвоенной привычки. Напротив, как показывала жизнь, отбывшие уголовное наказание за прошение милостыни не только не прекращали заниматься этим ремеслом, но значительная часть из них вступала на путь воровства, поскольку в тюрьме общалась с профессиональными ворами. Свод статистических сведений по делам уголовным, издававшийся ежегодно Министерством юстиции, давал представление о колебаниях количества осужденных за прошение милостыни с 1885 по 1898 годы в пределах от 792

(1886 год) [10] до 1397 (1891 год) [11] человек. Какую долю из них составляли профессиональные нищие, установить невозможно, но очевидно, что большинство из привлеченных к ответственности были нищие по ремеслу. Приведенная статистика показывала, что число осужденных невелико и не составляло даже 1% живущих подаянием. Это можно объяснить двумя главными причинами: во-первых, сама формулировка в законе “по лени и привычке к праздности” трудно доказуема; во-вторых, арест виновного зависел от произвольного усмотрения низших полицейских чинов. Таким образом, законодательство страдало существенными недостатками, в силу чего применение его было затруднительно. С целью выработки нового законодательства в апреле 1898 года при Министерстве юстиции была образована “Комиссия по борьбе с профессиональным нищенством и бродяжничеством” в количестве шестнадцати человек под председательством члена консултации Министерства юстиции, тайного советника И. Мещанинова. В Комиссию вошли чиновники министерств юстиции, финансов, внутренних дел, представители “Попечительства о домах трудолюбия и работных домах” и др. Перед Комиссией была поставлена задача определить пределы, порядок применения мер призрения и мер карательных, изыскать наиболее успешные средства борьбы с профессиональным нищенством [12]. Членами Комиссии был собран обширный подготовительный материал. Проводилась работа по составлению записок по истории отечественного и зарубежного законодательства о нищенстве, изучались определения международных пенитенциарных конгрессов. Большую помощь оказали материалы Комиссии по пересмотру законов о призрении бедных под

председательством К. К. Грота, работавшей в 1892-1897 годы. Наконец, фундаментальным источником, заслуживающим особого внимания, являются сведения (присланные из 25 губерний) о степени развития профессионального нищенства, его причинах и необходимости изменения действующих постановлений о нищенстве и бродяжничестве. Большинство губернаторов высказалось за устройство работных домов для профессиональных нищих с привлечением их к тяжелому принудительному труду в течение длительного срока. Учрежденной комиссии пришлось учесть опыт борьбы с профессиональным нищенством западноевропейских государств, заключающийся в признании наиболее целесообразными мер карательно-предупредительного характера. Виновные привлекались к принудительному суровому труду в особых учреждениях на продолжительные сроки [19]. В Бельгии, Швеции, Швейцарии, Дании помещение виновного в работный дом являлось единственной мерой наказания за нищенство. Наиболее положительные результаты она давала в Бельгии. Прежде всего Комиссия внесла ясность – кого нужно считать профессиональным нищим. “Под профессиональным нищим подразумевается такое лицо, которое, имея полную возможность по своим физическим качествам и состоянию здоровья добывать пропитание трудом, постоянно и в виде промысла занимается прошением подаяния под предлогом бедности или какого-либо действительно бывшего или вымышленного несчастья” [14]. Это определение нашло свое отражение в итоговых документах Комиссии. Первый документ (“Проект положений, выработанных по II отделу программы для разработки вопроса о мерах борьбы против профессионального нищенства”) составил профессиональный юрист И. Мещанинов с учетом замечаний членов

Комиссии. Он включал три раздела: А. Материальное право, Б. Процессуальные постановления, В. Постановления по исполнению приговора.

Проект определял следующие виды наказания за нищенство: помещение в рабочий дом, тюремное заключение, арест, причем приоритет отдавался первому. Так, за прошение милостыни предусматривалось помещение в рабочий дом или тюремное заключение от 12 дней до 1 года. Если оно сопровождалось дерзостью или грубостью, то наказывалось рабочим домом от 6 месяцев или тюрьмой не менее одного месяца (п. III) [15]. За “промысловое нищенство” наказание ужесточалось и определялось рабочим домом не ниже одного года.

Кроме этого определялись дополнительные условия, при наличии которых прошение подавания признавалось “промысловым нищенством”. Вот некоторые из них: если виновный в течение последних трех лет был три раза наказан за прошение милостыни; имел при себе оружие, поддельные ключи, отмычки и т.п.; позволил себе заведомо ложные уверения или обман ради подтверждения своих рассказов; собирал пожертвования в свою пользу под предлогом сбора на церковь, монастырь или иное богоугодное заведение; собирал такого рода пожертвования по заведомо чужим документам (п. IV) [16]. Изложенные условия были подчинены практической задаче – как можно объективней отделить профессионального нищего от случайного.

Как видно, проект предполагал ужесточение наказания за нищенство в целом.

Не подлежали наказанию, но требовали помощи все неспособные к труду (дряхлаые, больные, увечные, малолетние) и впавшие в нищету вследствие неожиданных и неблагоприятно сложившихся обстоятельств, лишенные возможности применить свой труд за

отсутствием работы (п. V) [17]. Введение данного положения в программу вполне оправданно и справедливо, но, чтобы оно не оставалось мертвой буквой, было необходимо проведение реформы благотворительности. Большая проблема заключалась в бедственной материальной базе общественного призрения, в недостаточном количестве благотворительных учреждений, в отсутствии взаимосвязи между разного рода благотворительными обществами и заведениями.

Таким образом, нищенство подлежит мерам предупреждения, пресечения и уголовной каре. Проект впервые поставил на официальном уровне вопросы профессионального нищенства. Другой документ (“Проект законоположений о нищенстве”) был составлен на основе постановлений Комиссии. По сути своей он отражал предыдущий документ, и это логично. Очевидно, сначала был разработан проект программы борьбы с профессиональным нищенством, а затем проект законоположений. Поскольку этот документ мог принять силу закона, то являлся более лаконичным, доступным в понимании, а главное, он отразил мнение общественности.

Подобно первому проекту, “Проект законоположений” разделял простое обращение к прошению подавания, вызванное волей случая, и “промысловое нищенство”. В законопроекте в ст. 1 сказано следующее: “Виновный в прошении милостыни лично или через других при возможности зарабатывать средства или получать помощь от обязанных к его содержанию лиц или учреждений призрения наказывается арестом” [18]. Как видно, наказание предусматривалось достаточно лояльное. Был выделен контингент лиц, не подлежащих привлечению к ответственности. Очевидно, к ним относятся лица, определенные в первоначальном документе.

Главным признаком “промыслового нищенства”, согласно Проекту, являлось постоянство занятия прошением милостыни. За такое нищенство наказание предусматривалось суровое – помещение виновного в рабочий дом, а где его нет – тюремное заключение от одного до семи лет (ст.1) [19]. Из предыдущего проекта был заимствован ряд условий, при которых прошение милостыни признается “промысловым” (ст.2) [20].

В “Проекте законоположений о нищенстве” давалось широкое толкование мер дознания и воздействия. Согласно ст. 5 задержание нищих должна проводить полиция как по собственному почину, так и по требованию местных органов общественного призрения и органов попечительства о домах трудолюбия и работных домах [21]. Процедуру дознания предполагалось передать местным организациям общественного призрения, которые должны были собирать все сведения о задержанных нищих (ст.6).

Местные органы общественного призрения, усиленные представителем Попечительства о домах трудолюбия и работных домах и представителем полиции, рассмотрев собранные данные, направляли их в суд или применяли меры призрения к задержанным, не признавая их подлежащими судебной ответственности [22]. Анализируя эту часть документа, можно прийти к выводу, что проект содержал нововведения, заключающиеся в широком привлечении общественных деятелей к процедурам дознания и воздействия. Именно общественность должна была проводить разбор задержанных нищих, применяя при этом принцип индивидуализации, чтобы в каждом конкретном случае принять максимально объективное решение, а признание к наказанию должно лежать на судебных установлениях.

Дела о профессиональном нищенстве подлежали единоличному

разбирательству судьи, а за прошение милостыни – рассмотрению волостных судов (ст.9) [23].

Нельзя не заметить, что возникает ряд вопросов, относительно которых в материалах Комиссии нет объяснений. Не были затронуты вопросы о необходимости различного отношения к нищим и бродягам, об индивидуализации репрессивных мероприятий по отношению к различным упомянутым категориям нищих, о характере и сроках принудительных работ, о том, как следует их организовать, на какие средства будут учреждаться заведения для отбытия принудительного труда и ряд других.

6 мая 1899 года Комиссия по борьбе с профессиональным нищенством была закрыта, а материалы об учреждении рабочих домов и общественных работах как мерах предупреждения и борьбы против нищенства, бродяжничества и мелких имущественных преступлений были переданы в Комиссию о мероприятиях по отмене ссылки [24]. Далее, 13 мая 1903 года названная Комиссия была преобразована в особую “Комиссию для разработки мероприятий, вызываемых изданием нового Уголовного Уложения”, к предметам занятий которой предполагалось отнести и окончание разработки вопроса о принудительном труде в работных домах и общественных работах [25]. Однако 27 сентября 1906 года последовало Высочайшее соизволение о закрытии Комиссии по просьбе председателя – министра юстиции Н. В. Муравьева. Мотивацией послужила медлительность, присущая коллегиальному обсуждению проектов. Завершение работы возлагалось на чиновников Министерства юстиции [26].

Итак, несмотря на большую работу, проведенную “Комиссией по борьбе с профессиональным нищенством и бродяжничеством”, предложенные ею новые положения о нищенстве были похоронены бюрократизмом.

Можно предположить, что принятие разработанного законодательства было преждевременным. Ужесточение наказания за профессиональное нищенство следовало вводить очень осторожно, чтобы не нарушить справедливость. Необходимо учитывать прямую взаимосвязь между репрессивностью законодательства и уровнем благотворительной помощи бедным. В странах Западной Европы действовала система мер, направленная на предотвращение нищенства, чего нельзя было сказать о России. Ведущий специалист по вопросам благотворительности в дореволюционной России Е. Д. Максимов в работе “Статистические и финансовые вопросы общественного призрения”, изданной в 1896 году, выявил в 34-х земских губерниях 3194910 человек, нуждавшихся в общественной помощи [27]. Лиц, нетрудоспособных по разным причинам, насчитывалось 2003110 человек. К ним относились душевнобольные, слепые, калеки, престарелые, немощные, глухонемые, сироты и подкидыши. Около 1191800 человек нуждались в поддержке, главным образом, в целях предупреждения обнищания (бездомные, безземельные, переселенцы, отхожие рабочие). Число лиц, получавших общественную помощь, достигало свыше 1300000 человек (59%) всех нуждавшихся. Но в большинстве случаев оказываемая помощь не удовлетворяла самым элементарным потребностям и не спасала от голодной смерти, поскольку средний расход на человека составлял 14-15 рублей в год [28]. Обед для бедных в дешевых столовых в городах Ярославской губернии стоил 5 копеек; если учесть ежедневный расход на двухразовое питание 10 копеек, то в год требовалось 36 рублей. Для лиц первой категории требовалось устройство богаделен, приютов, специальных больниц, а также оказание помощи от благотворительных обществ.

Лица второй категории нуждались в трудоустройстве и материальной поддержке. Этому могли способствовать справочные бюро, биржи труда, дома трудолюбия, эмеритальные, судосберегательные кассы, общества взаимопомощи и т. п. Такие задачи в определенной степени могли быть решены в результате преобразования всех известных мероприятий в систему благотворительности. В России надо было бороться с нищетой, порождавшей нищенство. Но решение этой глубокой проблемы было связано с подъемом экономического уровня развития страны и благосостояния народа.

Библиографический список

1. Прыжов И. Нищие на Святой Руси. Казань: Молодые силы, 1913. С.39.
2. Максимов Е.Д. Статистические и финансовые вопросы общественного призрения // Новое слово. 1896. №7. С.6.
3. РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.1113. Л.15об.
4. Там же. Л.23об.—29об.
5. ГАЯО. Ф.73. Оп.1. Д.6976. Л.27—28.
6. Благотворительность в России. СПб.: тип. Н.Л. Наркина, 1907. Т.I. С.LXI.
7. Линев Д.А. Причины русского нищенства и необходимые меры борьбы против них. СПб.: тип. В. Демакова, 1891. С.1.
8. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1900. С.148-149.
9. Там же. С.149.
10. Свод статистических сведений по делам уголовным. СПб.: тип. Правительствующего Сената, 1890. Ч.III. С.4.
11. Свод статистических сведений по делам уголовным. СПб.: тип. Правительствующего Сената, 1896. Ч.III. С.4.
12. РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.1109. Л.4об.
13. РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.1111. Л. 1—8об.
14. РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.1109. Л.25.
15. Там же. Л.28—28об.
16. Там же. Л.28об.—29.
17. Там же. Л.29.
18. Там же. Л.31.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же. Л.31об.
22. Там же.
23. Там же. Л.32.
24. РГИА. Ф.1405. Оп.542. Д.1117. Л.57.
25. РГИА. Ф.1405. Оп.542, Д.482. Л.50.
26. Там же. Л.130об.
27. Максимов Е.Д. Статистические и финансовые вопросы общественного призрения // Новое слово. 1896. №6. С.60.
28. Там же. С.53—60.